

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АССОЦИАЦИИ
КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКТОРЫ
ЧАСТЬ 1**

Ю. П. Шабаев

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая ул., 26

На рубеже 1980–1990-х гг. в России возникло большое количество различных этнических и этнополитических организаций, призванных представлять интересы разных этнических групп. Многие из них стремились стать политическими акторами на уровне своих регионов, однако некоторые смогли реально влиять на местную власть и принимаемые ею решения. Этот факт повлиял на то, что уже во второй половине 1990-х гг. последовали кризис этнонациональных движений и организаций и резкое падение их общественного влияния, а многие этнополитические объединения фактически прекратили свое существование. В статье рассматривается история формирования трех крупнейших этнополитических ассоциаций России — Конфедерации народов Кавказа (КНК), Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (АКМНСС и ДВ), именуемой в англоязычной литературе Российской ассоциацией индигенных народов Севера (RAIPON), Ассоциации финно-угорских народов (АФУН). Указывается, что кооперирование этнонациональных организаций и движений в широкие этнополитические ассоциации имело свою логику, которая была связана с ограниченным политическим ресурсом региональных организаций, представлявших интересы отдельных народов, и необходимостью усиления лоббистских возможностей этнополитических объединений как на региональном, так и на общенациональном уровнях. Показано, что три крупнейшие российские этнополитические ассоциации возникали на разной культурной основе: лингвистической, культурно-хозяйственной, региональной, но все они стремились превратиться в некие альтернативные или параллельные институты политического представительства. Однако этническим ассоциациям так и не удалось стать влиятельной политической силой, и лишь АКМНСС и ДВ имеет определенный политический вес, ибо изначально выбрала тактику партнерства с легитимной властью в центре и на местах. На Северном Кавказе причиной неудачи стало неумение этнических лидеров представить реальную альтернативу исламской идее и местным политическим элитам. У АФУН неудачи связаны с очевидной попыткой ее идеологов противопоставить этничность гражданству и самим декоративным характером организации, изначально созданной в форме политической трибуны, а не организации действия. Но все три названные организации испытывают серьезные трудности в развитии, а дальнейшее их существование как самостоятельных политических акторов возможно лишь в случае усиления их лоббистских возможностей и общественной значимости.

Ключевые слова: этнические объединения, этничность, этнополитика, гражданство.

Введение. Существенную роль в этнокультурной и этнополитической жизни российских регионов, в организации взаимодействия между этническими сообществами и государством на региональном, макрорегиональном и федеральном уровнях играют широкие этнические ассоциации, созданные как кооперационные объединения. Эти объединения (ассоциации) сформировались либо на лингвистической основе (Ассамблея финно-угорских народов, Ассамблея тюркских народов), либо на основе региональной (Конфедерация народов Кавказа), либо на основе схожести образа жизни и культурно-хозяйственных традиций народов, от имени которых эти объединения выступают (Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока). Все эти организации созданы на рубеже 1980–1990-х гг., т. е. в эпоху, которую некоторые исследователи называют «этническим ренессансом», «взрывом этничности» и т. п. Кооперация различных этнических, этнополитических и этнокультурных объединений в широкие блоки и ассоциации была объективно необходима, поскольку политический ресурс и политическое влияние отдельных организаций были ограничены, а собственный опыт политической жизни практически отсутствовал. Объединение помогало усилить влияние региональных организаций и их лидеров на местном уровне, наладить полноценный диалог между этническими ассоциациями и федеральной властью, получить международную поддержку.

И идейные позиции, и политическая практика этнических ассоциаций во многом противоречивы, но, на наш взгляд, они постепенно эволюционируют от максималистских и радикальных идей к рациональным политическим практикам, от отстаивания узкоэтнических интересов к попыткам совместить интересы отдельных этнических сообществ и региональных социумов в целом, интересы этнические и гражданские, хотя во многом остаются лишь формой манифестации этничности, но не формой реальной политической и этнокультурной мобилизации этнических групп. То же самое можно сказать и о межрегиональных и трансграничных этнических форумах (Всемирный конгресс татар, Всемирный конгресс финно-угорских народов, Всемирный курултай башкир, Ассамблея тюркских народов).

Кавказский опыт этнополитической интеграции. Объединительные тенденции на Северном Кавказе опирались на опыт прошлого и прочную историческую память. Первым примером реализации идей широкой этнокультурной интеграции и этнополитической мобилизации стало создание Конфедерации горских народов Кавказа (с 1992 г. Конфедерация народов Кавказа), созданной в 1989 г. как объединение этнических организаций, представляющих интересы культурных групп, многие из которых сформировались в этнические сообщества только в советскую эпоху. Начальной целью конфедерации являлись этнополитическое объединение народов Кавказа, а также их широкая культурная, экономическая и политическая интеграция. Для формирования конфедерации были исторические, культурные и политические основания. Во-первых, уже имелся опыт интеграции горских народов Кавказа во времена Кавказской войны, когда Шамиль объединил горцев Восточного и Западного Кавказа в борьбе против Российской империи. Во-вторых, после Февральской революции

1917 г. был создан Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, а 11 мая 1918 г. провозглашена независимая Горская республика, в которую вошли территории нынешних республик Северного Кавказа (просуществовала до мая 1919 г. и была воссоздана как Горская АССР в 1920 г., а в 1924 г. прекратила свое существование). Историческая память в данном случае явилась важным инструментом в деле этнополитической мобилизации и региональной интеграции. Во-третьих, попытка консолидации диктовалась восприятием Кавказа как территории, где проживают близкие по культуре народы (хотя эта близость явно преувеличивалась). В-четвертых, в условиях ослабления федеральной власти, разрыва экономических связей, естественным образом усиливались процессы политической регионализации.

На I съезде горских народов Кавказа (25–26 августа 1989 г.) была принята декларация, где провозглашалось учреждение Ассамблеи горских народов Кавказа (АГНК), создававшейся по аналогии с Союзом объединенных горцев, возникшим в 1917 г. Инициатором создания Ассамблеи выступила Абхазия, у которой к тому времени уже сложились непростые отношения с руководством Грузии, и абхазским лидерам была необходима поддержка со стороны других кавказских народов и этнонациональных движений. Съезд состоялся сразу же после июльского абхазо-грузинского конфликта. По призыву Абхазии в 1989 г. в Сухум (Сухуми) собрались представители семи народов Кавказа и учредили Ассамблею горских народов Кавказа, а также была создана штаб-квартира Ассамблеи.

Важным этапом развития Ассамблеи явился II съезд АГНК, проходивший 13–14 октября 1990 г. в Нальчике (Кабардино-Балкария). На нем было заявлено, что наступает период практических задач по реализации программы нового государственного устройства Северного Кавказа и Абхазии. Особое внимание было уделено единству народов Кавказа, и потому резолюция 1990 г. по содержанию была очень близка резолюции от 11 мая 1918 г., когда было заявлено о создании независимой Горской республики Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (Горской республики) (Кажаров, 2011).

После этого съезда в стране радикально изменилась политическая обстановка, что было связано с распадом СССР и ослаблением влияния центральной власти в Российской Федерации. В связи с этим резко осложнилась ситуация на Северном Кавказе. Наиболее горячей точкой после распада СССР на постсоветском пространстве стала Чечено-Ингушская Республика. Здесь в 1991 г. произошла насильственная смена власти. Старая политическая элита была изгнана, а на ее место пришел генерал Джохар Дудаев, в советские годы командовавший воздушной дивизией. Еще в марте 1991 г. Дудаев от имени исполкома Чеченского национального съезда потребовал отставки Верховного Совета республики, а 6 августа сформированные Чеченским национальным съездом вооруженные отряды осуществили переворот. 27 октября 1991 г. в Чечне прошли президентские выборы, на которых убедительную победу одержал Д. Дудаев. Своим первым декретом он переименовал Чечено-Ингушскую республику в Чеченскую Республику Ичкерия. Съезд народных депутатов СССР, состоявшийся 2 ноября 1991 г., признал выборы недействительными, но после авгу-

стовского путча решения политических институтов СССР уже мало что значили. События в Чечне привели и к усилению конфликта с РСФСР, в связи с чем 7 декабря 1991 г. Б. Ельцин издал указ о введении в Чечено-Ингушской республике чрезвычайного положения. В ответ Дудаев ввел на всей подвластной ему территории военное положение, что фактически положило начало формированию в республике военной диктатуры, а затем объявил о ее независимости и взял курс на ускоренную исламизацию чеченского общества.

На фоне бурных политических событий в Чечне в Сухуме проходил III съезд АГНК (1–2 ноября 1991 г.). В нем приняли участие представители абазинского, абхазского, аварского, адыгейского, чеченского, даргинского, кабардинского, лакского, осетинского, черкесского, чеченского, шапсугского народов. На съезде делегаты 13 народов Кавказа преобразовали Ассамблею в Конфедерацию горских народов Кавказа. Делегаты III съезда были избраны на общенациональных съездах народов и поэтому имели формальное право выступать от их имени (хотя процедура избрания делегатов на этнические съезды с юридической точки зрения сомнительна).

На съезде присутствовали представители общественно-политических движений Грузии, которые призвали собрать в «единый кулак» весь Кавказ. Но в целом в дискуссиях доминировали антигрузинские и отчасти антироссийские настроения. В частности, ряд делегатов призывал предотвратить возможную агрессию России против Чечни, выдвигал другие обвинения против центральной власти.

Подобные заявления заставили российские власти с подозрением отнестись к этому форуму, и потому они не увидели в нем инструмент влияния на власти Чеченской Республики. Впрочем, как показали последующие события, политическая программа чеченских лидеров не совпадала ни с программой Ассамблеи горских народов, ни с позициями отдельных этнонациональных движений Северного Кавказа (Тишков, 2001). Между тем надежды на миротворческий потенциал Конфедерации еще существовали, о чем свидетельствует тот факт, что уже в декабре 1991 г. осетинское национальное движение на своем чрезвычайном съезде приняло обращение «К народам Северного Кавказа — членам Конфедерации горских народов», в котором призывало к миру и согласию между народами Северного Кавказа и их соседями (Обращение..., 1995, с. 48).

На III съезде была сформулирована политическая платформа Конфедерации народов Кавказа (КНК), которая очевидно базировалась на идеологии этнического национализма. Было принято «Положение о руководящих органах Конфедерации горских народов Кавказа». Согласно этому положению, высшим органом Конфедерации является съезд (собирается раз в 2–3 года). Съезд избирает Кавказский парламент, куда входят по три депутата от каждого народа. Парламент имеет комитеты: экономического содружества народов Кавказа; государственно-правовой; национального согласия; самообороны. Исполнительный орган КНК — совет, состоящий из президента и 16 вице-президентов (по одному от каждого представленного в организации народа). При президенте действует Комитет кавказских сообществ. Еще один орган КНК — третейский

суд, разрешающий конфликтные ситуации между народами. В этой роли часто выступал весь кавказский парламент. Предложенная структура по сути означала, что КНК претендует на роль параллельной власти на Кавказе, а взятая им на вооружение доктрина этнического национализма заставила провозгласить, что субъектами Конфедерации являются не республики, а народы, т. е., как и в случаях с другими этнонациональными организациями России, КНК противопоставлял этничность гражданству. И хотя декларативно его лидеры заявляли о своей приверженности миру и согласию между народами, на деле они видели этнические сообщества не частью территориальных социумов, а некими автономными от них группами, интересы которых выше, нежели интересы сообществ в целом.

В октябре 1992 г. IV съезд народов Кавказа преобразовал Ассамблею в Конфедерацию народов Кавказа (КНК), в состав которой входили представители 16 народов Кавказа.

Серьезным испытанием политической зрелости организации стали события осени 1991 г., когда первый президент независимой Грузии Звиад Гамсахурдия, выдвинул идею создания «Большого Кавказа» и стал обсуждать с Дудаевым проект Кавказской Конфедерации, в которой Абхазии отводилась, по словам Дудаева, особая роль. Но поворотным пунктом в политической эволюции КНК стал 1992 г., когда были разрушены как идея «Большого Кавказа», так и миф о кавказском единстве.

Летом 1992 г. началась очередная фаза гражданской войны в Грузии (закончившаяся свержением Гамсахурдия), которую чаще называют грузино-абхазским конфликтом (грузино-абхазской войной, Отечественной войной абхазского народа). Руководство Конфедерации с первых дней войны решительно осудило позицию властей Грузии и начало мобилизацию добровольцев на помощь Абхазии. Основными центрами формирования добровольческих отрядов стали Нальчик и Грозный, куда стекались добровольцы из республик Северного Кавказа. Отряды добровольцев приступили к боевым действиям уже в августе, т. е. в начальный и самый тяжелый для абхазов период войны. В это время было направлено три интернациональных по составу отряда добровольцев (в каждом около 100–250 чел.), большую часть которых составляли чеченцы и кабардинцы. В Абхазии первый опыт военных действий получили многие чеченские командиры, имена которых стали известны позже: Шамиль Басаев, Руслан Гелаев, Умалт Дашаев и другие (Мацаберидзе, 2012). При этом лидеры КНК не призывали к диалогу и миру, а, наоборот, выступали с весьма воинственными заявлениями в адрес грузин, которые были крайне интолерантны.

Вторым ударом по кавказскому единству стал осетино-ингушский конфликт, имевший место в Пригородном районе Северной Осетии, где проживали ингуши. В результате конфликта, длившегося с 31 октября по 4 ноября 1992 г., были убиты 478 чел. и 840 получили ранения. Ингуши, претендовавшие на присоединение этой территории к воссозданной 4 июня 1992 г. Ингушской республике (в 1934 г. она была присоединена к Чеченской, в результате чего была образована Чечено-Ингушская АССР), были с нее изгнаны (Гостиева, Дзадзиев, 1995, с. 14–57).

И именно с 1992 г. внутри КНК наметил серьезный раскол, поскольку позиции лидеров стали принципиально различаться. В результате часть руководителей КНК, в том числе главный идеолог Муса Демишев, покинула организацию.

Война в Чечне в 1994 г. только усугубила кризис в КНК, поскольку единства по отношению к событиям в этой республике среди членов Конфедерации не было. Но Конфедерация изначально заявляла о том, что берет на себя ответственность за судьбы кавказских народов, и в ее структуре предусматривался специальный орган для разрешения конфликтов. Тем не менее в качестве миротворцев лидеры организации выступить не смогли и даже не сыграли сколько-нибудь заметной роли в урегулировании первой чеченской войны. Тем самым стало очевидно, что претензии на роль параллельной власти были ничем не обоснованными, а политический ресурс КНК оказался весьма ограниченным. Кризис усугубился на VI (чрезвычайном) съезде Конфедерации народов Кавказа, прошедшем в декабре 1994 г. в Нальчике.

После грузино-абхазской войны КНК больше прямо не призывала к участию в военных конфликтах. В конце 1994 г. прибывший в Москву в составе делегации представителей кавказских народов вице-президент КНК Жантемир Губачиков выступил на заседании Государственной Думы с заявлением, в котором указал, что причины, подталкивающие Чечню к выходу из состава России, кроются в отсутствии открытого диалога с Дудаевым, напрямую обвинив и Рамазана Абдулатипова, и Сергея Шахрая в нежелании проводить переговоры с лидерами самоопределившейся Чечни. Однако на сторону Дудаева КНК не встала, ограничившись призывами к миру, не выдвигая при этом работоспособных конкретных инициатив по мирному разрешению конфликта. Поскольку идея кавказского единства была полностью дискредитирована, а КНК показала свою политическую беспомощность, в 1995 г. организация фактически прекратила свое существование. Тем не менее в следующем, 1996 г. была предпринята попытка проведения «восстановительного съезда», но возродилась только «вывеска», а организацию де-факто воссоздать не удалось, хотя формально она существует до сих пор. (Правда, восстановительный съезд был не один и организаций с аббревиатурой КНК создано несколько, но все они ничтожны в политическом и организационном плане.)

Инициативу создания общекавказского интеграционного движения этноконфессиональной направленности попытались взять на себя власти Ичкерии. Предложенная ими модель подразумевала интеграцию народов Кавказа на основе ислама (Казиханов, <http://www.sknews.ru/main/39865-stanet-li-severnoy-kavkaz-xalifatom.html>), что вступало в противоречие с конституционным принципом светскости российской государственности. В апреле 1998 г. в Грозном состоялся Конгресс народов Ичкерии и Дагестана, председателем которого избрали полевого командира Шамиля Басаева

Целью создания организации было заявлено «освобождение мусульманского Кавказа от российского имперского ига». И именно под эгидой конгресса были созданы вооруженные формирования, ставшие главной ударной силой при вторжении в Дагестан. Летом 1999 г. чеченские отряды под руководством Басаева вторглись в Дагестан, идейной основой этого вторжения была попыт-

ка внедрения «полного шариатского правления» на всем Северном Кавказе (Кудрявцев, 2000) при очевидном политическом лидерстве Чечни. Но эта идея и само вторжение были расценены соседями как откровенная агрессия, и попытка силовой исламской интеграции Северного Кавказа не только провалилась, но и привела к краху сепаратистского режима в Чечне.

Однако нельзя сказать, что исламская идея как основа северокавказской интеграции совсем нежизнеспособна. Да, действительно, первые попытки исламской мобилизации, включая появление в 1970-х гг. салафитских джамаатов в Дагестане, создание в начале 1990-х Исламской партии возрождения (самораспустившейся в 1994 г.), введение шариатского правления в Чечне и попытка его «экспорта» в другие северокавказские республики, не дали ожидаемых результатов. Но сами социально-экономические реалии Северного Кавказа — безработица, низкий уровень жизни значительной части населения, тотальная коррупция на всех уровнях власти, отсутствие ясных ориентиров общественного развития — усиливали привлекательность для молодежи идей «чистого ислама» и справедливого исламского порядка как альтернативы существующему положению дел (Ислам на Северном Кавказе, 2011).

Ориентируясь на эти настроения, 7 октября 2007 г. Президент Чеченской Республики Ичкерия в изгнании Доку Умаров объявил о создании «Имарата Кавказ» (Кавказского эмирата). Образование Имарата, с одной стороны, означало, что чеченское вооруженное подполье пытается распространить свою деятельность на всю территорию Северного Кавказа, а с другой — свидетельствовало о большом этнополитическом ресурсе исламской идеи, которой в регионе не было предложено реальной альтернативы. Правда, реальная активность Имарата наблюдалась и наблюдается преимущественно в Интернете. В настоящее время в Имарате нет главного амира, а в его руководстве нет единства. С 2013 г. Имарат в идеологическом пространстве вынужден конкурировать с Исламским государством Ирака и Леванта (ИГИЛ), «адепты которого призывают совершить хиджру — переселение мусульман на Ближний Восток для осуществления джихада... По разным оценкам, только из Дагестана на этот призыв откликнулось более двух тысяч человек, а в целом из Северного Кавказа выехало до семи тысяч человек, что сильно “обескровило” местное террористическое подполье» (Ярлыкапов, 2015, с. 29).

Поражение ИГИЛ (но не его полный разгром) в Ираке и Сирии создает угрозу усиления террористического интернационала на Северном Кавказе, ибо получившие опыт ведения военных действий боевики начинают возвращаться на родину.

В этой связи встает вопрос о необходимости создать политическую альтернативу радикальной исламской интеграции на Северном Кавказе, сформировать эффективную общекавказскую политическую площадку для пропаганды идей гражданской интеграции, межконфессионального и межэтнического согласия. Такая попытка была предпринята еще в марте 2007 г., когда в Москве прошел учредительный съезд Российского конгресса народов Кавказа (РКНК), где была обозначена основная цель организации — защита интересов кавказцев через своих представителей в федеральных органах власти России. Соглас-

но уставу движения, его структура формируется съездом и в настоящее время состоит из Высшего совета, Попечительского совета, Совета сопредседателей и Ревизионной комиссии. Совет сопредседателей формирует Исполком движения, на который замыкаются местные и региональные отделения, включающий в себя информационно-аналитический отдел, пресс-службу, департамент международных и региональных связей, департамент по делам молодежи, департамент по правовым и юридическим вопросам, департамент по экономическим вопросам и бизнес-программам, социально-политический отдел, НИИ кавказских исследований, культурный центр, административно-хозяйственный отдел и редакционный совет. И хотя лидеры Конгресса ориентированы на пропаганду общероссийских ценностей, идей толерантности и межкультурного диалога, надо признать, что работа РКНК не отличается активностью, изобретательностью, глубиной и не оказывает серьезного влияния на ситуацию на Кавказе, о чем можно судить даже по официальному сайту организации. У нее нет авторитетных лидеров, между членами не существует согласия. Очевидно, что организацию необходимо реформировать и превращать в действенный инструмент общекавказской интеграции, а способы реформирования могут быть найдены, вероятно, на пути широкого общекавказского политического и общественного диалога, который должны инициировать неравнодушные к судьбам кавказских народов интеллектуалы и политики.

В свое время Рамазан Абдулатипов предложил целый комплекс мер, нацеленных, по его мнению, на создание разветвленной сети политических и гражданских институтов, призванных осуществлять воздействие на общественные настроения и формировать климат доверия между всеми этническими и конфессиональными группами, проживающими в Северо-Кавказском регионе. В частности, он заявил, что «необходимо:

- 1) образовать территориальные подразделения Миннаца России во всех субъектах Федерации Северо-Кавказского региона;
- 2) повысить личную ответственность руководителей субъектов Федерации Северо-Кавказского региона за реализацию экономических, политических, социальных и правовых мер по оздоровлению обстановки в регионе;
- 3) сформировать систему коллегиального рассмотрения северокавказских этнополитических проблем и выработки рекомендаций органам исполнительной и законодательной власти. Элементами такой системы могут стать:
 - постоянно действующее Северо-Кавказское межнациональное совещание с участием высших руководителей России;
 - Совет руководителей северокавказских субъектов Российской Федерации;
 - Ассоциация социально-экономического сотрудничества республик, краев и областей Северного Кавказа;

- Межпарламентская ассамблея Северного Кавказа с участием депутатов Федерального собрания и представительных органов власти Северо-Кавказских субъектов Российской Федерации;
- 4) обеспечить гораздо более широкое и умелое использование таких инструментов “народной дипломатии”, как советы старейшин, женские, молодежные, национальные, религиозные и другие общественные организации, регулярное проведение их общих встреч в форме Северо-Кавказского круглого стола;
- 5) создать государственную систему мониторинга этнополитической ситуации на Северном Кавказе, работающую в тесном взаимодействии с соответствующими научными и общественными организациями» (Абдулатипов, 2007, с. 259–260).

Иными словами, предлагалось создать новые бюрократические институты, преимущественно декоративного характера, которые реально влиять на ситуацию не смогут, ибо их основная миссия состоит в публичном озвучивании проблем региона. Предложенный Абдулатиповым путь формирования широкого публичного пространства для северокавказских дискуссий принят как региональная политическая стратегия. Были сформированы Южно-Российская парламентская ассоциация и Ассоциация «Северный Кавказ», в январе 2012 г. в Кисловодске прошел Форум народов Юга России, в субъектах СКФО образованы новые НПО, создан Центр современной политики Кавказа, реализован проект «Мир Кавказу» Рабочей группы по Северному Кавказу и т. д. (Аствацатурова, 2014, с. 23).

Однако в публичном северокавказском этнополитическом дискурсе и на всех вышеназванных политических платформах и форумах до сих пор ясно не обозначена четкая политическая повестка для Северного Кавказа, т. е. тактика конкретных действий. Такая повестка, однако, предложена экспертами, в частности М. А. Аствацатурова формулирует ее следующим образом:

- «усиление присутствия федерального центра (экономического, социально-политического, управленческого, социокультурного);
- сохранение такого уровня исполнительной власти, как уровень СКФО;
- дезавуация терроризма и национально-религиозного экстремизма;
- акцентирование русской культуры и русского языка как референтных и интегрирующих;
- поддержание этнодемографического разнообразия, сохранение русского, как равно и нетитульного, населения;
- демократизация всех сторон общественной жизни и профилактика этноконфессиональной архаизации;
- модернизация социальных традиций и практик северокавказского общества, трансляция позитивной повестки на Северном Кавказе и Северного Кавказа;
- упрочение российской идентичности северокавказского сообщества;

- гуманизация этнополитического и этноконфессионального дискурса;
- брендинг региона как привлекательной и уникальной в плане культурного многообразия российской территории» (Аствацатурова, 2014, с. 27).

Однако понимание существующих проблем, публичное их обсуждение и формулирование общей стратегии, необходимой для формирования региональной модели этнополитики, есть лишь часть регионального этнополитического дискурса. Наиболее значимой текущей задачей является выработка механизмов реализации указанной выше повестки.

Конечно, парадные форумы и публичные клятвы с высоких трибун различных общественных и политических деятелей в верности идее межнационального мира и гражданского согласия создают определенный информационный фон, который способствует активизации межкультурного диалога, но нужны и более глубокие изменения в кавказском обществе, ибо исход русского населения продолжается, радикальный ислам не утратил своей привлекательности для довольно значительной части молодежи, не преодолены бедность и коррупция, и стоит согласиться с тем, что «нет никаких отдельных решений для экономических, этнодемографических и культурных проблем — они не просто взаимосвязаны, но взаимозависимы. Для их решения требуется долгосрочная, целенаправленная и последовательная политика комплексного регионального развития. Фактически речь идет о создании условий, необходимых для того, чтобы основные социальные процессы в регионе получили центростремительное и модернизационное направление» (Апажева, Мамсиров, Цолоев, 2017).

А для того, чтобы началась социальная и экономическая модернизация, необходимо преодолеть недоверие между группами и негативные стереотипы, которые серьезно осложняют ситуацию. Так, «русское население СКФО... считает, что в рамках округа несправедливо распределяются инвестиции и трансферты из федерального центра (т.е. в пользу республик) и что полпред Президента РФ не поддерживает в должной степени русское население в республиках. В этом контексте распространяются версии о “победе Северного Кавказа в торге с Кремлем”, об “успешном шантаже” федеральных властей и полпредства руководителями отдельных субъектов» (Аствацатурова, 2014, с. 25). Очень непросто складываются отношения между мусульманами и православными в северокавказских республиках. В Карачаево-Черкесии казаки и карачаевцы нередко на бытовом уровне оскорбляют друг друга, используя негативные этнические определения. «Русские считают, что карачаевцы за свою депортацию получили материальную компенсацию, которая позволила им в 1990-е гг. наладить бизнес, а казаки, несмотря на то что тоже пострадали, ничего не получили. В результате среди славянского населения КЧР наблюдается рост антикавказских настроений» (Бабич, 2015, с. 40).

Вероятно, что преодолевать недоверие между группами, искоренять негативные стереотипы, выстраивать межкультурный и межконфессиональный диалог надо не с высоких трибун, а на уровне локальных сообществ, т.е. снизу. В этом смысле очень важны позитивный опыт кооперации, местные куль-

турные инициативы, нацеленные на взаимопонимание и сотрудничество, а не парадные речи на различных дежурных мероприятиях, которые мало влияют на реальную ситуацию в северокавказском сообществе. Нужно выстраивать и поддерживать самостоятельность локальных сообществ и групп и стремиться к объединению отдельных и робких инициатив в широкие сетевые связи, через которые стоит формировать новую региональную идентичность и гражданское согласие.

Конечно, в этом низовом взаимодействии сегодня очень важна роль религиозных авторитетов, ибо более 80 % кавказской молодежи заявляют о своей религиозности (Апажева, Мамсиров, Цолоев, 2017), а в Чечне каждый день совершают намаз 96 % опрошенных социологами жителей, причем среди молодежи в возрасте 18–29 лет таких 97 % (Ситников, Романов, Одаев, 2019, с. 160). При всей значимости диалога между конфессиями надо учитывать, что современная религиозная мозаика Кавказа очень сложна и «многочисленные религиозные движения конфликтуют друг с другом» (Ярлыкапов, 2015, с. 32). Поэтому наиболее важной формой интеграции должна стать именно гражданская интеграция, однако пока интеграционные усилия ни властей, ни общественности не были успешными.

Таким образом, ни этнический национализм, ни ислам, ни декларативный бюрократический патронаж не смогли стать фактором культурной и политической интеграции кавказских народов и северокавказского общества в целом. Однако постоянные попытки возродить КНК, сложная социально-политическая ситуация на Северном Кавказе диктуют необходимость создавать новые формы региональной интеграции, которые, скорее всего, должны носить гражданский и публичный характер. Нужны новые действенные организации общекавказской направленности, способные к активной и кропотливой работе по формированию климата доверия между народами Северного Кавказа и другими народами России, по созданию в регионе принципиально новой политической культуры, отвергающей клановость и кумовство и формирующей в обществе стремление к модернизации и обновлению. Однако федеральные и местные власти должны не стоять в стороне от этого процесса, а быть его непосредственными участниками, предлагая кавказскому обществу новую не только политическую, но и социокультурную повестку, отвечающую сформировавшимся в этом обществе запросам и ожиданиям.

Литература

Абдулатипов Р. Этнонациональная политика в Российской Федерации (концепции, практика, реализация, перспективы). М.: Классик Стиль, 2007. 552 с.

Апажева С. С., Мамсиров А. Х., Цолоев Т. С. Северный Кавказ: современная этнополитическая ситуация и перспективы ее стабилизации // История: факты и вымыслы. Научно-теоретический и прикладной журнал. 2017. № 13, вып. 4. URL: <http://historic-journal.ru/archive/archive2017/issue4/> (дата обращения: 01.06.2019).

Астацатурова М. А. «Россия и Кавказ» как политический дискурс // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных странах. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга. 2013. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2014. С. 21–28.

Бабич И. Л. Роль христианско-мусульманского диалога в развитии этнической, религиозной и гражданской идентичности народов Северного Кавказа // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных странах. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга. 2014. Т. 1. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2015. С. 33–34.

Гостиева Л. К., Дзадзиев А. Б. Современная этнополитическая ситуация в Северной Осетии // Северная Осетия. Этнополитические процессы. 1990–1994. Очерки. Документы. Хроника / сост. и отв. ред. Л. К. Гостиева, А. Б. Дзадзиев. М.: Центр по изучению межэтнических отношений, Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1995. Т. 1. С. 14–57.

Ислам на Северном Кавказе: история и современность / под ред. И. Текушева, К. Шевченко. Прага: Medium Orient, 2011. 234 с.

Кажаров А. Г. Союз объединенных горцев и проблема автономии народов Северного Кавказа в 1917–1920 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 112–117.

Казиханов А. Станет ли Северный Кавказ халифатом? URL: <http://www.sknews.ru/main/39865-stanet-li-severnyj-kavkaz-xalifatom.html> (дата обращения: 01.06.2019).

Кудрявцев А. «Ваххабизм»: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 9. URL: <https://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/14.Kudriav.shtml> (дата обращения: 01.06.2019).

Мацаберидзе Д. Роль Конфедерации горских народов Кавказа в конфликте вокруг Абхазии // Кавказ и глобализация. Журнал социально-политических и экономических исследований. 2012. Т. 6, вып. 2. С. 44–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-konfederatsii-gorskih-narodov-kavkaza-v-konflikte-vokrug-abhazii> (дата обращения: 01.06.2019).

Обращение к народам Северного Кавказа — членам Конфедерации горских народов // Северная Осетия. Этнополитические процессы. 1990–1994. Очерки. Документы. Хроника / сост. и отв. ред. Л. К. Гостиева, А. Б. Дзадзиев. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1995. Т. 2. С. 48.

Ситников А. В., Романов М. В., Одаев Т. Х. Религиозность в Чеченской Республике и ее влияние на социальные институты и институты власти // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 157–183. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.08>.

Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001. 552 с.

Ярлыкапов А. А. Исламская мозаика на Северном Кавказе: вызовы для государственно-конфессиональных отношений // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга. 2014. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2015. С. 27–33.

Шабаетв Юрий Петрович — д-р ист. наук, проф.; shabaev@mail.illhkomisc.ru

Статья поступила в редакцию: 1 июня 2019 г.;

рекомендована в печать: 25 июня 2019 г.

Для цитирования: *Шабаетв Ю. П.* Этнокультурные ассоциации как политические акторы. Часть 1 // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15, № 4. С. 497–510. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2019.404>

ETHNOCULTURAL ASSOCIATIONS AS POLITICAL ACTORS PART 1

Yury P. Shabaev

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Center of Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26, Kommunisticheskaya ul., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; shabaev@mail.illhkomisc.ru

At the turn of the 1990s, a large number of various ethnic and ethno-political organizations emerged in Russia, called upon to represent the interests of different ethnic groups. Many of them sought to become real political actors at the level of their regions, but only few were able to influence significantly local government and its decisions. This contributed to the crisis of ethnonational movements and organizations, which began as early as in the second half of the 1990s and caused a sharp fall in their public influence. Furthermore, many ethno-political associations actually ceased to exist. The article discusses the history of the formation of the three largest ethno-political associations of Russia — the Confederation of Peoples of the Caucasus (CPC), the Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East (RAIPON), the Association of Finno-Ugric Peoples (AFUP). It is indicated that the cooperation of ethnonational organizations and movements into broad associations had its own logic, which was associated with a limited political resource of regional organizations representing the interests of individual peoples, and with the need to strengthen the lobbying capabilities of ethno-political associations at both regional and national levels. It is shown that the three largest Russian ethno-political associations arose on different cultural foundations: linguistic, cultural-economic, regional, but they all sought to develop into some kind of alternative or parallel institutions of political representation. However, ethnic associations did not succeed in becoming an influential political force and only RAIPON has a certain political weight, since it has initially chosen the tactics of a partnership with the legitimate authorities in the Center and in the Regions. In the North Caucasus, the failure of the ethnic leaders to provide a real alternative to the Islamic idea and local political elites became the reason for the failure. As for the AFUP, the failure is connected to the obvious attempt of its ideologists to juxtapose ethnicity and citizenship and to the very decorative nature of the organization, which was originally organized as a political tribune, and not as an organization of action. But all three of these organizations are experiencing serious difficulties in their development, and their continued existence as independent political actors is possible only if their lobbying capabilities and public importance are enhanced.

Keywords: ethnic associations, ethnicity, ethno-politics, citizenship.

References

- Abdulatipov R. *Ethnonational policy in the Russian Federation (concepts, practice, implementation, prospects)*. Moscow, Klassiks Stil' Publ., 2007. 552 p. (In Russian)
- Apazheva S. S., Mamsirov A. Kh., Tsoloev T. S. The North Caucasus: the modern ethno-political situation and the prospects for its stabilization. *Istoriia: fakty i vymysly. Scientific-theoretical and applied journal*, 2017, no. 13, is. 4. Available at: <http://historic-journal.ru/archive/archive2017/issue4> (accessed date: 01.06.2019) (In Russian)
- Appeal to the peoples of the North Caucasus — members of the Confederation of Mountain Peoples. North Ossetia. *Severnaia Osetiia. Etnopoliticheskie protsessy. 1990–1994. Ocherki. Dokumenty. Khronika*, comp. and ed. by L. K. Gostieva, A. B. Dzadziev, vol. 2. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN, 1995. P. 48. (In Russian)
- Astvatsaturova M. A. "Russia and Kavkaz" as a political discourse. *Etnopoliticheskaia situatsiia v Rossii i sopredel'nykh stranakh. Ezhegodnyi doklad Seti etnologicheskogo monitoringa*. 2013. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN, 2014, pp. 21–28. (In Russian)
- Babich I. L. The role of the Christian-Muslim dialogue in the development of the ethnic, religious and civic identity of the peoples of the North Caucasus. *Etnopoliticheskaia situatsiia v Rossii i sopredel'nykh stranakh. Ezhegodnyi doklad Seti etnologicheskogo monitoringa*. 2014. Vol. 1. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN, 2015, pp. 33–34. (In Russian)
- Gostieva L. K., Dzadziev A. B. Modern ethno-political situation in North Ossetia. *Severnaia Osetiia. Etnopoliticheskie protsessy. 1990–1994. Ocherki. Dokumenty. Khronika*, comps. and ed. by L. K. Gostieva, A. B. Dzadziev. Vol. 1. Moscow, Tsentr po izucheniiu mezhetnicheskikh otnoshenii, Institut etnologii i antropologii RAN, 1995, pp. 14–57. (In Russian)
- Iarlykapov A. A. Islamic mosaic in the North Caucasus: challenges for state-confessional relations. *Etnopoliticheskaia situatsiia v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh. Ezhegodnyi doklad*

Seti etnologicheskogo monitoringa. 2014. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN, 2015, pp. 27–33. (In Russian)

Islam in the North Caucasus: history and modernity, eds. I. Tekushev and K. Shevchenko. Prague, Medium Orient Publ., 2011. 234 p. (In Russian)

Kazharov A. G. The Union of United Highlanders and the Problem of the Autonomy of the Peoples of the North Caucasus in 1917–1920. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 2011, vol. 13, no. 3, pp. 112–117. (In Russian)

Kazikhanov A. *Will the North Caucasus become a caliphate?* Available at: <http://www.sknews.ru/main/39865-stanet-li-severnyj-kavkaz-xalifatom.html> (accessed: 01.06.2019). (In Russian)

Kudriavtsev A. “Wahhabism”: problems of religious extremism in the North Caucasus. *Tsentral'naia Aziia i Kavkaz*, 2000, no. 9. Available at: <https://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/14.Kudriav.shtml> (accessed: 01.06.2019) (In Russian)

Matsaberidze D. Role of the Confederation of Caucasian Mountain Peoples in the conflict around Abkhazia. *Kavkaz i globalizatsiia. Zhurnal sotsial'no-politicheskikh i ekonomicheskikh issledovani*, 2012, vol. 6, is. 2, pp. 44–53. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-konfederatsii-gorskih-narodov-kavkaza-v-konflikte-vokrug-abhazii> (accessed: 01.06.2019). (In Russian)

Sitnikov A. V., Romanov M. V., Odaev T. Kh. Religiosity in the Chechen Republic and its influence on social and political institutions. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2019, no. 2, pp. 157–183. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.08>. (In Russian)

Tishkov V. A. *Society in armed conflict. Ethnography of the Chechen war*. Moscow, Nauka Publ., 2001. 552 p. (In Russian)

Received: June 1, 2019

Accepted: June 25, 2019

For citation: Shabaev Yu. P. Ethnocultural Associations as Political Actors. Part 1. *Political Expertise: POLITEX*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 497–510. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2019.404> (In Russian)